

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Прохоренкова Игоря Александровича на тему: «Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда периода Смутного времени», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по научной специальности

5.6.2. Всеобщая история.

Комплекс польско-литовских литературных источников Смутного времени, созданных современниками событий появления самозванного царевича Дмитрия, вступления на московский престол Лжедмитрия I и его свадьбы с Мариной Мнишек, королевского похода под Смоленск в 1609–1611 гг. до сих пор не был предметом отдельного исследования. Диссертационная работа И. А. Прохоренкова, содержащая подробный разбор известных литературных сочинений, изданных как в Польше и Литве, так и в других европейских странах, удачно разрешает многие вопросы, и дает точное понимание характера этих источников и целей их создания. Обращение к польской историко-филологической традиции позволило И. А. Прохоренкову расставить верные акценты в понимании характера памятников «прикладной литературы», большой интерес представляют сделанные автором диссертации переводы фрагментов текстов публицистических памятников «малых литературных форм» – летучих листков, памфлетов, панегириков, показывающие их потенциал для изучения подходов к «московской политике» шляхты, магнатов и короля Сигизмунда III.

Автор диссертации выделил аспект «пропагандистского» значения польско-литовских литературных трудов о Смуте, и последовательно рассмотрел в главах своего исследования три группы памятников, созданных в 1604–1606,

1606–1609, 1609–1612 гг. Все это были, хотя и короткие, но разные хронологические периоды. Как показано И. А. Прохоренковым, вслед за переменами в политических и дипломатических отношениях Московского государства и Речи Посполитой, менялись тон и содержание разнообразных литературных сочинений. Важным направлением работы является книговедческий аспект, связанный с историей типографского дела в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском. Внимание к биографиям авторов произведений, обстоятельствам появления их трудов, роли меценатов и заказчиков, помогло выяснить значение литературных произведений о Смуте, и оценить их влияние на современников.

При обращении к анализу комплекса польско-литовских литературных сочинений о Смуте, автору диссертации удалось раскрыть генезис такой литературы, восходящей в Речи Посполитой еще к 1570–1580 гг., и связанной с войною между двумя государствами за земли в Прибалтике. Внимательное прочтение польско-литовских литературных текстов периода Смутного времени позволило раскрыть их историческое содержание, и определить смену основных мотивов и стереотипов в восприятии Московского государства и его жителей. И. А. Прохоренков представил подробный разбор основных польско-литовских сочинений о Смуте, включая давно известное (но мало привлекавшее внимания) сочинение ксендза Станислава Гроховского. Достаточно сказать, что именно в брошюре этого автора были опубликованы гравюры, изображавшие самозванца «царевича» Дмитрия Ивановича, Марины Мнишек, воеводы Юрия Мнишка, без использования которых редко обходится изучение истории Лжедмитрия I. Большую ценность представляет анализ в диссертации политического проекта в сочинении Павла Пальчовского, рассматривавшего соседнюю страну как поле для конкистадорских ристалищ польского рыцарства.

Переходя к изучению панегириков, «оформлявших» триумф короля Сигизмунда III, взявшего штурмом Смоленскую крепость в 1611 г., И. А. Прохоренков сопоставил их с материалами дебатов на сейме. В диссертации

сделан справедливый вывод, что «литературный шум» не позволил отвлечь шляхту от злободневных вопросов целей и цены похода короля Сигизмунда III. Тем более обсуждение королевской политики стало актуальным, когда в Речи Посполитой узнали о судьбе московского гарнизона, капитулировавшего в 1612 г. С этой даты автор диссертации справедливо начинает отсчет нового этапа публицистической «пропаганды», правда, произведения следующего периода находятся уже за пределами хронологических рамок его исследования.

Остановимся на некоторых дискуссионных вопросах и замечаниях к тексту диссертационного исследования. И. А. Прохоренков, в целом, верно расставил акценты и изложил последовательность исторической канвы событий Смутного времени. Использование термина «Димитриада» говорит о некотором влиянии на автора диссертации польской историографии и специальной польской и белорусской историко-филологической литературы, с которой он хорошо знаком. Но труды историков, как польских, так и российских, в диссертационной работе привлекаются избирательно. В диссертации можно было бы попытаться выяснить, в какой мере польско-литовские литературные сочинения использовались в общих трудах о событиях Смуты и взаимоотношениях России и Речи Посполитой (Andrzej Andruszewicz, Tomasz Bohun, Andrzej Przerpiurka, Henryk Wisner), вышедших в свет в последние десятилетия. При обращении к трудам о Смуте российских историков, несмотря на присутствующие в диссертации ссылки на труды Н. И. Костомарова, Р. Г. Скрынникова, Б. Н. Флори, С. В. Александрова и некоторых других авторов, тоже видны лакуны. Например, в работе И. А. Прохоренкова полностью отсутствуют ссылки на классический труд С. Ф. Платонова о Смутном времени, публикации Ю. В. Готье о «смоленской осаде», работы И. О. Тюменцева о движении Лжедмитрия II, книги и статьи, посвященные другим упоминающимся в диссертации событиям. Некоторые дневники современников, например ротмистра Николая Мархоцкого, цитируются в оригинале, без указания на существующий перевод на русский язык. Ссылки

на специалистов, работавших над близкими к теме диссертации сюжетами «в последние годы» (Д. И. Антонов, Л. М. Аржаков, Д. В. Карнаухов, А. И. Цепков, Н. В. Эйльбарт) лучше было бы сопроводить историографическим разбором, потому что в этом ряду перечислены как авторы монографий и специальных трудов, так и составители переизданий давно опубликованных текстов. Работа И. А. Прохоренкова могла бы только выиграть если бы наряду с подробным исследованием филологической литературы и библиографических указателей польско-литовской литературы начала XVII в., автор диссертации более полно использовал труды по истории Смуты в польской и российской историографии.

Присутствие в названии темы слова «антироссийская» пропаганда подразумевает излишнюю современную коннотацию. Учитывая устоявшееся название Московского государства, а также применение в польском языке начала XVII в. слова «москва» для обозначения жителей соседнего государства, в свете исторических реалий точнее было бы говорить об «антимосковской» пропаганде. По большей части в своем труде И. А. Прохоренков использует именно такую терминологию, но иногда встречаются и сентенции общего порядка: «Пельgrimовский в своей поэме излагал материал в русле пропагандистского топоса, который часто использовался в европейской литературе изучаемого нами периода *для дискредитации русского народа*» (с. 47); «Творческий путь не получившего широкой известности поэта М. Пашковского демонстрирует, что *на очернение России работали* не только прославленные литераторы, создававшие свои работы в контексте актуального политического заказа» (с. 109). Обвинительные интонации в отношении польско-литовских авторов, живших в начале XVII в., выглядят, конечно, неуместными, и они мешают авторскому анализу.

Большие разделы первой главы, названной «Речь Посполитая на пути к открытой интервенции в Россию» посвящены мирным переговорам посольства Льва Сапегы в 1600–1601 гг., заключившего перемирие на двадцать

лет. И. А. Прохоренков разбирает содержание «рифмованного диариуша» о посольстве одного из его участников Гелиаша Пельгримовского. Однако даже при установленной автором диссертации тенденциозности и антимосковской направленности текста писаря Великого княжества Литовского или «дьяка» (как его называли в русских источниках) Пельгримовского, нельзя отменить общих целей посольства о мире, никак не связанных с так называемой «открытой интервенцией». Кстати, история посольства 1600–1601 гг. могла быть полнее раскрыта с привлечением не только специальной работы Казимера Тышковского 1927 г. издания, но и современных биографических трудов о Льве Сапеге (использована одна статья, но не книга Arkadiusza Czwoleka), а также инструкции польско-литовским послам и их краткого отчета королю Сигизмунду III, опубликованных в 137 томе «Сборника Русского исторического общества» (1912).

«Золотое» время союза двух государств, подкрепленное в 1606 г. браком царя Дмитрия Ивановича (законно венчавшегося на трон в глазах подданных) и Марины Мнишек, тоже не обещало никакой «открытой интервенции». Отправной точкой перемен в польско-литовской публицистике, как об этом пишет сам И. А. Прохоренков, стал «переворот» 17 (27) мая 1606 г., приведший к воцарению Василия Шуйского. В диссертации показано, что поддержка польско-литовскими отрядами второго самозванца – Тушинского вора была связана с внутривосточными событиями – «рокошем» Николая Зебжидовского в 1607 г. Но в этом случае выходцы из Речи Посполитой действовали в Московском государстве как наемники, на свой страх и риск. Только предпринятый королем Сигизмундом III поход под Смоленск в 1609 г. можно назвать не просто вмешательством в события в Московском государстве, а «интервенцией». При этом, как справедливо подчеркнуто в диссертации И. А. Прохоренкова, королю Сигизмунду III не удалось заручиться поддержкой своих действий со стороны сейма.

Завершающий вывод диссертационного исследования выглядит явно преувеличенным: *«западные современники Смутного времени постепенно*

пришли к осознанию: увидеть Москву присоединенной к Речи Посполитой можно только на листах пропагандистских сочинений, в то время как в реальности это произойти уже не сможет» (с. 179). Для научного текста подобное утверждение о «западных современниках» нуждается в обосновании и раскрытии. Автор диссертации сам признает, что изучаемые им произведения польско-литовской литературы XVII в. могли и не иметь никакого влияния, а их авторы «рифмами» иногда просто пытались поправить свое «материальное благосостояние». Трудно ожидать, чтобы в дипломатических расчетах европейских дворов, разделенных политической и религиозной рознью между католиками и протестантами, имели одну общую позицию по поводу «присоединения» Москвы к Речи Посполитой, и хоть в какой-то мере учитывали памфлеты и стихи, написанные на незнакомом языке где-то в землях польского короля. Сигизмунд III еще долго не оставлял планов посадить на московский трон королевича Владислава, чем был обусловлен его военный поход в Московское государство в 1617–1618 г. И после Деулинского перемирия угроза военного столкновения между Московским государством и Речью Посполитой тоже никуда не исчезла.

Высказанные здесь замечания обусловлены большей частью сложностью темы, имеющей междисциплинарный характер, и написанной на стыке разных дисциплин: литературоведения, книговедения, истории России и Польши. В любом случае диссертационное исследование И. А. Прохоренкова представляет собою законченное исследование, решающее важную научную задачу, содержащее новые наблюдения и выводы. Говоря о новизне своей диссертации, И. А. Прохоренков справедливо пишет: «Представленная диссертация рассматривается нами как необходимая ступень в процессе введения в научный оборот новых источников (прежде всего, перевод текстов «малых литературных форм» и комментариев к нему) по истории Смутного времени» (с. 26). Решение этой задачи было бы важным вкладом в изучение истории Московского государства и Речи Посполитой в начале XVII в.

Заключение: Содержание диссертации Прохоренкова Игоря Александровича на тему: «Польско-литовская антироссийская литературная пропаганда периода Смутного времени» соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета

Доктор исторических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра истории русского феодализма
Института российской истории РАН

8.10.2024